

На правах рукописи

Карчагин Евгений Владимирович

СПРАВЕДЛИВОСТЬ КАК СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН

24.00.01 – теория и история культуры

Автореферат

диссертации на соискание ученой степени

доктора философских наук

Волгоград – 2016

Работа выполнена на кафедре философии, социологии и психологии в Федеральном государственном бюджетном образовательном учреждении высшего образования «Волгоградский государственный технический университет» Министерства образования и науки РФ

Научный консультант: **Навроцкий Борис Александрович,**
доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой философии, социологии и психологии ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный технический университет»

Официальные оппоненты: **Кашников Борис Николаевич,**
доктор философских наук, профессор школы философии факультета гуманитарных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ)

Грякалов Алексей Алексеевич,
доктор философских наук, профессор, профессор кафедры общественных и гуманитарных наук ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургская государственная консерватория имени Н.А. Римского-Корсакова»

Шелекета Владислав Олегович,
доктор философских наук, профессор кафедры социально-гуманитарных наук ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский университет «МЭИ» Филиал в г. Волжском»

Ведущая организация: ФГБОУ ВО «Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена».

Защита состоится «14» января 2017 года в 10.00 часов на заседании диссертационного совета ДМ 208.008.07 по защите докторских и кандидатских диссертаций при Волгоградском государственном медицинском университете по адресу: 400131, г. Волгоград, пл. Павших борцов, 1, ауд. 4-07.

С диссертацией можно ознакомиться в научно-фундаментальной библиотеке Волгоградского государственного медицинского университета.

Текст диссертации и автореферата размещен на официальном сайте ГБОУ ВПО «Волгоградский государственный медицинский университет» <http://www.volgmed.ru>

Автореферат разослан «__» _____ 2016 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

И.К. Черемушникова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования. Справедливость по праву относится к тем вопросам, которые издавна занимают умы как профессиональных мыслителей, так и обычных граждан. Вместе с тем интерес к проблеме справедливости с течением времени может уменьшаться или увеличиваться. В спокойное и стабильное время о справедливости вспоминают реже, но это происходит не потому, что ее не существует, а потому что она фактически реализуется, выполняя свою основную функцию поддержания социокультурного порядка.

Потребность в справедливости обостряется, когда случаются социальные потрясения, и оформляются такие способы взаимоотношений и такие институты, которые начинают восприниматься как явно несправедливые.

Новые глобальные проблемы, в частности рост социального неравенства, появление новых форм неравенства и социальных геополитических проблем – войн, вооруженных конфликтов и международного терроризма – с новой остротой ставят вопрос о том, что такое справедливость и как возможно ее осуществление.

Важное значение идея справедливости имеет сегодня для социально-политической жизни России. Справедливость в качестве традиционной ценности, переданной предками, упоминается в преамбуле Конституции Российской Федерации 1993 года («Мы, многонациональный народ Российской Федерации, ... чья память предков, передавших нам любовь и уважение к Отечеству, веру в добро и справедливость... принимаем Конституцию Российской Федерации»). Термин «справедливость» нередко используется в актуальном политическом дискурсе. Так, одна из ведущих политических российских партий использует его в своем названии («Справедливая Россия»). В числе программных статей 2012 г. В.В. Путина имеется работа с названием «Строительство справедливости. Социальная политика для России». Кроме того, данные массовых опросов общественного мнения свидетельствуют о том, что справедливость занимает одно из приоритетных мест в ценностных предпочтениях россиян.

Несмотря на глобальные и локальные вызовы эпохи, выработка действенных критериев и принципов справедливости серьезно затруднена. Что безусловно

создает серьезное препятствие для установления справедливости «на практике», например, в создании ценностного консенсуса по поводу справедливости тех или иных исторических или современных событий и явлений, или в воплощении принципа справедливости в современной социальной действительности. В частности, для общественной морали проблемными являются требования лояльности своему локальному сообществу и следованию формальным общественным нормам. В экономике значимо противостояние принципа эффективности и принципа справедливости, требующего от экономической деятельности осознания социальной ответственности. В области права не утихают дискуссии о юридическом смысле справедливости и зависимости всей системы права от принципа справедливости, кроме того проблемными являются тенденции отождествить справедливость с легальностью, что чревато появлением несправедливых законов. В политике важнейшими темами, связанными со справедливостью остается легитимность политических режимов и политических действий, а также движения за права человека.

Ответ на вопрос, почему не удается установить справедливость зависит от многих причин и, не в последнюю очередь, от недостаточно глубокой теоретической изученности этого феномена. Теоретический анализ справедливости призван, прежде всего, уяснить смысл понятия справедливости, дать характеристику основным концепциям справедливости, выделить ключевые проблемы личности, общества, культуры, связанные с дисфункциями социокультурного порядка. Исследования в этой области способствуют не только обнаружению в обществе несправедливости, но и в перспективе ее уменьшению. Значимые результаты в этом направлении можно получить, если рассмотреть справедливость в качестве социокультурного явления. Такой подход позволит не только зафиксировать тот факт, что справедливость есть особый феномен, имеющий важнейшее значение для существования и функционирования культуры и общества, но и максимально прояснить его проблематичное содержание, прежде всего, путем демонстрации его ценностной и нормативной составляющих.

Степень разработанности проблемы. На протяжении многих столетий феномен справедливости был предметом философских, теологических и

правоведческих дискуссий. Справедливость и сейчас привлекает внимание не только философов, но и специалистов других областей социально-гуманитарного знания: экономистов, юристов, политологов, социологов, психологов, историков, антропологов и т. п., благодаря чему ее исследования приобрели по-настоящему междисциплинарный характер¹.

Хотя проблема справедливости носит междисциплинарный характер, сущностный смысл справедливости изучали философы. Ее не просто описывали в эпоху расцвета философии в Древней Греции, но и подвергали специальному разбору и исследованию. В философии большинства досократиков уже фигурирует справедливость – «дике». Нельзя забывать и беседы о справедливости Сократа, записанные Ксенофонтом. Большую роль искомое понятие играет в социально-философских произведениях Платона, особенно в его диалоге «Государство», имеющем даже соответствующий подзаголовок «О справедливости». Классическим текстом, посвященном проблеме справедливости является пятая книга «Никомаховой этики» Аристотеля.

В сочинениях позднеантичных, средневековых и новоевропейских мыслителей обсуждение справедливости стало более детальным и специально направленным. Так, теологическое понимание справедливости было разработано Августином Аврелием, идеи которого о Граде Божием как вместилище справедливости развивал и Фома Аквинский. Основателем контрактualистской традиции в осмыслении справедливости стал Т. Гоббс. В работах Д. Юма и Ж.-Ж. Руссо представлены взгляды на справедливость как на регулятор отношений собственности и реализацию общей воли граждан. Важный сегмент размышлений о справедливости занимают труды новоевропейских утопистов, начиная с Т. Мора и Т. Кампанеллы и заканчивая Ш. Фурье.

Своеобразный взгляд на справедливость отразился в критических работах К. Маркса, критиковавшего современные ему представления о справедливости за неверный, буржуазный смысл, и предложившего свою версию справедливого переустройства капиталистического общества. Значимые концепции были

¹ См.: Justice: Views from the Social Sciences. N. Y. ; L., 1986; Justice: Interdisciplinary Perspectives. Cambridge, 1992.

предложены также утилитаристами (Дж. Ст. Милль) и позитивистом Г. Спенсером.

В настоящее время наиболее известным исследованием справедливости является «Теория справедливости» (1971) американского философа Дж. Ролза². Она вызвала целую бурю дискуссий и спровоцировала как углубление и развитие основных идей «Теории справедливости», так и появление альтернативных концепций³. Одним из первых полновесных ответов на концепцию Дж. Ролза была книга Р. Нозика «Анархия, государство и утопия» (1974), отразившая либертарианское отношение к справедливости⁴. Другим ответом и третьим крылом в западной философии справедливости, наряду с либерализмом и либертаризмом, стал коммунитаризм. Программным сочинением коммунитаристской мысли принято считать «Сферы справедливости» (1983) М. Уолцера⁵. Среди работ, написанных в последние три десятилетия, следует выделить труды Л. Болтански и Л. Тевено, У. Кимлики, М. Нуссбаум, Ж. Рансьера, П. Рикёра, А. Сена, М. Сэндела, О. Хёффе, И.М. Янг⁶.

Отечественные мыслители также внесли свой вклад в разработку проблемы. Ряд существенных аспектов содержится в трудах Вл. С. Соловьева, П.А. Кропоткина, Н.А. Бердяева, И.А. Ильина, предложивших свое оригинальное понимание справедливости как значимой социально-политической ценности⁷. Марксистско-ленинское понимание справедливости представлено в работах таких

² Ролз Дж. Теория справедливости. Изд. 2-е. М., 2010.

³ Сегодня может создаться впечатление, что вплоть до 1971 г., пока не появилась фундаментальная «Теория справедливости» Дж. Ролза, библиография по этой теме практически исчерпывалась комментариями на работы Платона и Аристотеля и несколькими статьями того же Ролза. И хотя это совсем не так (Отметим, в частности, такие работы: Спенсер Г. Справедливость. СПб., 1898; Perelman C. The Idea of Justice & The Problem of Argument. L. ; N. Y., 1963; Rescher N. Distributive Justice: A Constructive Critique of the Utilitarian Theory of Distribution. N. Y., 1966.), но начиная с 1972 г. список работ, специально посвященных справедливости, действительно стал резко расти. Уже к 1982 г. насчитывалось более 2500 публикаций о Ролзе (См.: John Rawls and His Critics: An Annotated Bibliography / Ed. J. H. Wellbank. N. Y., 1982.). Справедливость внезапно стала одним из самых приоритетных направлений в современной западной социальной философии, а Джон Ролз – едва ли не самым влиятельным политическим философом XX века.

⁴ Нозик Р. Анархия, государство и утопия. М., 2008.

⁵ Walzer M. Spheres of Justice. A Defense of Pluralism and Equality. N. Y., 1983.

⁶ Болтански, Л. Критика и обоснование справедливости: Очерки социологии градов / Л. Болтански, Л. Тевено. М., 2013; Рансьер, Ж. Несогласие: Политика и философия. СПб., 2013; Сен А. Развитие как свобода. М., 2004; Современный либерализм: Ролз, Берлин, Дворкин, Кимлика, Сэндел, Тейлор, Уолдрон / пер. Л. Б. Макеева. М., 1998; Sandel M. Justice: What's the Right Thing to Do? Farrar, Straus and Giroux, 2009.

⁷ Бердяев Н.А. Философия неравенства. М., 1990; Ильин И.А. Религиозный смысл философии. М., 2003. С. 536-541; Кропоткин, П. А. Справедливость и нравственность // Анархия, ее философия, ее идеал : сочинения. М., 1999. С. 128–158. Соловьев Вл. С. Оправдание добра // Сочинения : в 2 т.Т. 1. М., 1990.

авторов, как З.А. Бербешкина, Е.В. Давидович, Л.Г. Гринберг, О.Н. Крутова, Г.В. Мальцев, А.И. Новиков, В.С. Пазенок и др.⁸ Если не обращать внимания на неизбежную для того времени идеологическую риторику, то в этих работах можно обнаружить и ряд ценных теоретических положений. Значительное количество работ по теме вышло в годы перестройки, немалая часть которых приходится на публикации в бывших союзных республиках и характеризуется остроидеологическим и политическим содержанием. В постсоветское время в качестве ведущих отечественных исследователей справедливости следует назвать Т.А. Алексееву, В.Н. Аргунову, А. Ашкерова, А.А. Гусейнова, Г.Ю. Канарша, Б.Н. Кашникова, Н.В. Печерскую, А.В. Прокофьева⁹.

В то же время в существующих работах, как зарубежных, так и отечественных, не уделяется достаточного внимания выявлению, различению и теоретическому анализу аксиологического и деонтологического параметров справедливости. Хотя именно такой подход позволит, на наш взгляд, заполнить пробелы в общем массиве публикаций о справедливости. Данное обстоятельство стало определяющим для проведенного исследования, направленного на выявление ценностной и нормативной составляющих справедливости как социокультурного феномена.

Объектом исследования является – справедливость как социокультурный феномен. **Предметом** – ценностно-нормативное содержание справедливости.

Цель исследования – создание философской концепции справедливости, направленного на целостный и комплексный анализ справедливости как социокультурного феномена, имеющего ценностно-нормативное измерение.

Задачи исследования:

⁸ Гринберг Л. Г. Критика современных буржуазных концепций справедливости / Л. Г. Гринберг, А. И. Новиков. Л., 1977; Давидович В. Е. Социальная справедливость: идеал и принцип деятельности. М., 1989; Крутова, О. Н. Справедливость. М., 1963; Мальцев Г. В. Социальная справедливость и право. М., 1977; Пазенок, В. С. Социализм и справедливость. М., 1967.

⁹ Алексеева, Т. А. Справедливость: морально-политическая философия Джона Роулса. М., 1992; Аргунова В. Н. Социальная справедливость: ценностно-институциональный анализ. Иваново, 2004; Ашкерова А. По справедливости: эссе о партийности бытия. М., 2008; Гусейнов А. А. Справедливость // Новая философская энциклопедия. Т. 3. М., 2010. С. 622–624; Канарш Г. Ю. Социальная справедливость: философские концепции и российская ситуация. М., 2011; Кашников Б. Н. Либеральные теории справедливости и политическая практика России. Великий Новгород, 2004; Печерская Н. В. Справедливость в контексте поздней философии Л. Витгенштейна. СПб., 2000; Прокофьев А. В. Воздавать каждому должно... Введение в теорию справедливости. М., 2013; Прокофьев А. В. Мораль индивидуального совершенствования и общественная мораль: исследование неоднородности нравственных феноменов. Великий Новгород, 2006.

- оценить современные взгляды на справедливость как феномен, имеющий биологические предпосылки;
- выявить лингвокультурное значение справедливости;
- описать чувство справедливости и социокультурный контекст его проявления;
- сформулировать определение понятия справедливости;
- выявить аксиологическое содержание феномена справедливости, обозначив основные параметры оценок справедливости;
- определить местоположение справедливости в иерархии ценностей;
- проанализировать утопию и мысленный эксперимент в качестве способов мышления о справедливости;
- выявить деонтологическое содержание феномена справедливости;
- выделить и описать специфические особенности проявления норм справедливости в разных областях и на разных уровнях социокультурной действительности;
- показать особенности проявления феномена справедливости в современном глобальном контексте.

Гипотеза исследования. Как показывает история мысли, справедливость можно исследовать по разным основаниям. Автор предполагает, что справедливость может быть рассмотрена как контекстуальный феномен в терминах философии и теории культуры, что позволяет раскрыть ее ценностно-нормативное измерение. Справедливость – это понятие, используемое в оценках меры соответствия сущего должному в отношении оправданности социокультурного порядка распределения социальных благ. В то же самое время справедливость имеет функцию аксиологического принципа и регулятива социальной деятельности, что предполагает экспликацию и анализ конкретных нормативных областей и контекстов ее проявления.

Методологическая основа исследования включает в себя использование общепhilosophических методов исследования, в первую очередь, норм и принципов социокультурного подхода, логики оценок и норм, герменевтики. Социокультурный подход предполагает понимание общества как единства

социальности и культуры, создаваемых деятельностью человека. Родоначальником этого подхода можно считать П.А. Сорокина, который писал о «структуре социокультурного взаимодействия»¹⁰. Если социальное – это взаимообусловленность людей, совместность их деятельности, то культура – это нечто, создающее те способы (паттерны), в рамках которых протекает совместная деятельность людей. Культура с помощью значимых смыслов и идей, ценностей и норм формирует структуры, организующие социальное бытие. В этом смысле идея справедливости в качестве социокультурного явления обязательно формулируется «на языке» ценностей и норм, имеющих функцию организации социальной реальности.

Особое значение для диссертации имеют теоретические разработки А.А. Ивина в области модальной логики оценок и норм¹¹, а также аксиологические идеи М. Шелера¹², в особенности его подход к иерархизации ценностного мира. Для выявления ключевых областей норм справедливости большое значение имеют труды М. Уолцера, а также испытывавшая влияние последнего концепция Л. Болтански и Л. Тевено¹³. В конечном счете, философско-теоретической базой для специализированного рассмотрения справедливости в конкретных нормативных социальных контекстах были идеи Л. Витгенштейна¹⁴, изложенные им в поздний период творчества и позволяющие воспринимать справедливость не как абстрактно-универсальную категорию, но как контекстуальный социокультурный феномен с множеством значений.

Научная новизна исследования заключается в том, что в впервые методами теории и философии культуры выполнено комплексное исследование

¹⁰ Сорокин П.А. Человек, цивилизация, общество: Пер. с англ.. М., 1992. С. 218.

¹¹ Ивин А. А. Аксиология. М., 2006; Ивин А. А. Основания логики оценок. М., 1970; Ивин А. А. Логика норм. М., 1973; Ивин А.А. Логика оценок и норм. Философские, методологические и прикладные аспекты: монография. М., 2016.

¹² Шелер М. Ресентимент в структуре моралей. СПб., 1999; Шелер М. Формализм в этике и материальная этика ценностей // Избранные произведения. М., 1994; Шелер, М. *Ordo amoris* // Избранные произведения. М. : Гнозис, 1994.

¹³ Болтански Л., Тевено Л. Критика и обоснование справедливости: Очерки социологии градов. М.: НЛЮ. 2013; Болтански Л., Кьяпелло Э. Новый дух капитализма. М.: НЛЮ. 2011; Болтански Л., Тевено Л. Социология критической способности // Журнал социологии и социальной антропологии. 2000. Т. 3. № 3. С. 66-83.

¹⁴ Витгенштейн Л. Философские исследования // Философские работы. – Ч. I. М., 1994. С. 75–319; Печерская Н.В. Справедливость в контексте поздней философии Л. Витгенштейна. СПб., 2000; Pitkin H. F. *Wittgenstein and Justice*. Berkley, 1972.

справедливости как феномена, проявляющегося в социокультурной реальности в качестве ценности и социальной нормы. Показана ограниченность восприятия справедливости как биологического феномена; выявлены лингвокультурный смысл справедливости и особенности социокультурного проявления чувства справедливости в различных ситуациях; предложено авторское определение справедливости.

Проанализировано аксиологическое измерение справедливости, показана связь справедливости с истиной и другими ценностями; выявлена и проанализирована структура оценок справедливости; отмечен потенциал понимания справедливости в рамках социокультурного объективизма; выявлены модели утопического дискурса и дискурса мысленного эксперимента в теоретизировании о справедливости и определена их значимость для теорий справедливости.

Рассмотрено деонтологическое (регулятивное) измерение справедливости; показана связь ценностной и нормативной сторон справедливости; выделены нормативные области справедливости; проанализированы макро- и микроуровень проявления норм справедливости, в том числе на городском уровне. Показаны особенности проявления проблемы справедливости в современном глобальном социокультурном контексте.

Положения выносимые на защиту:

1. Феномены, интерпретируемые как справедливость в природном мире, не тождественны аналогичным явлениям в человеческом мире. Справедливость принадлежит только миру субъектов свободной и сознательной деятельности и миру человеческой культуры. Бытие справедливости возможно в языке (как термин), в психике (как чувство справедливости), в мышлении (как понятие), в социокультурной действительности (как ценность и социальная норма).

2. Справедливость по своему лингвокультурному смыслу совпадает с правильностью порядка и тем самым относится к устойчивым структурам общества и мышления. Справедливость обозначает правильный порядок,

пронизывающий и связывающий мироздание (космос), социальный мир и душевный строй отдельного человека. Ситуация несправедливости может быть представлена как состояние нарушения правильного (оправданного) социокультурного порядка.

3. Чувство справедливости – сложный психологический и социокультурный феномен. Его феноменологическими свойствами и особенностями являются: комплексность, подверженность искажениям из-за эмоционального начала (вероятность трансформироваться в ресентимент), вариативность проявления.

4. Справедливость есть аксиологически обоснованная мера должного распределения социальных благ и тягот. В контексте дефиниции мерой можно считать любую концептуализацию справедливости. Справедливость как мера равенства (неравенства) принципиально возможна, как минимум, в двух вариантах: эгалитарном (горизонтальном) и иерархическом (вертикальном).

5. То или иное социокультурное явление может быть оценено как справедливое, несправедливое, нейтральное (оцененное субъектом как ни справедливое, ни несправедливое). Зонами оценочной нейтральности, нулевой зоной оценок справедливости можно считать всю сферу эстетических оценок и сферу естественно-научного знания. Основанием оценок справедливости могут быть: а) чувство справедливости; б) идея, образец, идеал, критерий, принцип, другая оценка или ценность, отражающее то или иное понимание справедливости (как определенной меры должного).

6. Справедливость – духовная ценность, связанная с ценностным рядом «сакральных» принципов, то есть высших, предельных ценностей, которые не доказываются и являются предметом убеждения, веры, и априорны в отношении справедливости. Существует по меньшей мере два основных типа абсолютных ценностных систем: акцент на части и акцент на целом, когда в качестве высшей ценности признается индивид или группа (социальный атомизм и социальный холизм).

7. Утопия и «мысленный эксперимент» как методы теоретизирования о справедливости могут применяться в равной степени. «Мысленный эксперимент» – это проблемный подход, направленный на прояснение и оптимизацию теории

справедливости, повышение ее когерентности, в то время как утопический дискурс ориентирован на изменение действительности, это программный, содержательный и оценочный дискурс. Утопический дискурс принадлежит воображению, «мысленный эксперимент» – логическому мышлению.

8. С аксиологическим измерением справедливости непосредственно связана и ее нормативная природа, поскольку представления о справедливости имплицитно или эксплицитно содержат импульс устройства и переустройства социокультурного порядка исходя из представления о должном. Комплексность аксиологического фундамента обуславливает сложность и многообразие деонтической репрезентации справедливости. Справедливость свое воплощение находит в нескольких группах норм. Это законы, заповеди, традиции, моральные принципы и правила идеала. Нормы справедливости имеют контекстный характер и границы, очерченные: 1) объектами оценивания – благами и тяготами; 2) правилами распределения этих благ и тягот в конкретных областях социальной реальности; 3) субъектом и условиями приложения.

9. Ценностно-нормативное содержание справедливости получает свою конкретизацию в различных областях и контекстах социальной деятельности. Можно выделить шесть областей исходя из специфики циркулирующих благ: 1) область включения; 2) политическая область; 3) юридическая область; 4) экономическая область; 5) религиозная область; 6) область образования. Нормативные области справедливости имеют особенности проявления на микро-, макро- и мегауровне. Схематическое наложение областей на уровни дает возможность построить простую модель социокультурной реализации справедливости.

10. В современной социокультурной ситуации идея справедливости продолжает играть важную роль. Формулирование и реализация принципов и норм справедливости в новых социальных контекстах затруднены, с одной стороны, плюралистичностью и противоречивостью идейной и ценностной среды, а, с другой стороны, неоднозначностью и высокой динамикой цивилизационных, культурных и технических инноваций.

Теоретическая и практическая значимость исследования. Анализ

справедливости как социокультурного феномена дает возможность избежать суженного, одномерного понимания справедливости, основанного на логике рыночной экономики и рыночного мировоззрения, восходящего к Дж. Ролзу и либеральной традиции анализа справедливости, и показать широкий спектр его проявления в различных областях социальной действительности. Ясное понимание содержания понятия справедливости и различение его ценностного и нормативного параметров также сможет способствовать превращению общественных дебатов о мнениях в полноценные аргументированные дискуссии.

Выводы исследования могут лечь в основу дальнейших социально-философских, историко-философских, культурфилософских, философско-правовых, политологических, социологических исследований справедливости, а также быть полезными для университетских курсов по социальной философии, философии права, философии культуры, культурологии, истории философии, истории культуры, социологии.

Апробация работы. Наиболее значимые положения диссертационного исследования прошли апробацию на конференциях разного уровня, среди которых: III Всероссийская научно-практическая конференция «Социально-экономические и технологические проблемы развития строительного комплекса региона. Наука. Практика. Образование» (Волгоград, 2009); Международная научная конференция «Человек – объект и субъект глобальных процессов» (Санкт-Петербург, 20-21 ноября 2009); IV международная научная конференция «Глобализация и проблемы мира: Российский проект» (Санкт-Петербург, 19-20 ноября 2010); Научная сессия ВолГУ (Волгоград, апрель 2011); Международная конференция «Наука и образование: архитектура, градостроительство и строительство» (Волгоград, 2012); 7-я Международная научная конференция «Глобальные тренды: Евразийский вектор» (Санкт-Петербург, 23 ноября 2013); XXIX Международная научно-практическая конференция «Система ценностей современного общества» (Новосибирск, 2013); Всероссийская научно-практическая конференция «Вторые Нижневолжские чтения» (Волгоград, 2014); Научно-богословская молодёжная конференция «Молодёжь в мире Православия» (Волгоград, 2014); VII Российский философский конгресс (г. Уфа, 6-10 октября

2015); Вторая международная научная конференция молодых ученых «Человек в технической среде» (г. Вологда, 1-2 октября 2015); VII международная конференция «Теоретическая и прикладная этика: традиции и перспективы» (г. Санкт-Петербург, 29-31 октября 2015); IX Международная научная конференция ВДНХ-9: «Знание и технологии: производство, трансферы, циркуляции» (г. Санкт-Петербург, 13-14 ноября 2015); VI Международная Социологическая Грушинская конференция «Жизнь исследования после исследования: как сделать результаты понятными и полезными» (г. Москва, 16-17 марта 2016); Международная научно-практическая конференция «Векторы развития современной России. Гуманизм vs Постгуманизм» (г. Москва, 22-23 апреля 2016 г.); VII Международная конференция Школы философии НИУ ВШЭ «Способы мысли, пути говорения» (г. Москва, 27-30 апреля 2016 года); 4S/EASST 2016 Conference: Science and technology by other means (Barcelona, 31 августа — сентября 2016) и др. Автор также представлял результаты своих исследований на заседаниях научно-образовательного семинара «Интеллектуальные среды» (Волгоград) с 2009 по 2013 гг. Материалы диссертации использовались во время чтения лекционных курсов по культурологии, философии и социологии.

Основные положения и результаты диссертационного исследования отражены в 38 научных публикациях с общим объемом авторского вклада более 25 печ. л. В том числе в 16 публикация в журналах, рекомендуемых ВАК РФ.

Объем и структура работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, содержащих в общей сложности параграфов, заключения, списка использованной литературы, включающего 435 наименований, в том числе 148 на иностранных языках. Общий объем работы – 359 страниц.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во **Введении** обосновывается актуальность диссертационного исследования, определяется степень разработанности темы, очерчиваются границы объекта и предмета, ставятся цель и задачи исследования, выдвигается гипотеза, указываются основные методологические принципы, показывается

научная новизна работы, формулируются положения, выносимые на защиту, раскрывается теоретическая и практическая значимость работы, представляются результаты апробации работы.

В первой главе диссертации «**Онтология справедливости**», состоящей из пяти параграфов, рассматриваются природные, лингвокультурные, социально-психологические и логико-понятийные аспекты феномена справедливости.

В первом параграфе «*Природа и культура: горизонты проблемы справедливости*» дается оценка современным дискуссиям о наличии справедливости в природной среде. В частности, как считают американские биологи С. Броснан и Ф. де Вааль, авторы экспериментов с обезьянами, описанные ими реакции свидетельствуют в пользу раннего эволюционного происхождения отвращения к несправедливости (*inequity aversion*). В свою очередь, авторы книги «*Wild Justice*» («Дикая, или природная справедливость») М. Бекофф и Дж. Пирс прямо заявляют, что животные *суть моральные существа*.

Диссертант показывает, что специфическая база рассуждений, признающих справедливость в животном мире, заключается в необоснованной пресуппозиции, прямо утверждающей мораль в животном мире. При этом позиция, отрицающая значимость сравнительного изучения поведения человека и животных и попыток понять справедливость через ее происхождение на базе эмпирических данных естественных наук, столь же опрометчива. Игнорировать биологическую составляющую как в поведении человека в целом, так и в понимании происхождения и развития социокультурных ценностей и норм после впечатляющих успехов этологии во второй половине XX в. недальновидно. Интеллектуальная неосторожность здесь может быть чревата впадением в крайности излишнего анропоморфизирования или, в противоположность этому, отрицания моралеподобных феноменов в животном мире.

Первая крайность преодолевается обращением к трудам создателя этологии К. Лоренца, который писал о «формах поведения, аналогичных моральным», о поведенческих аналогах морали. Действительно, есть лишь аналогичное сходство между врожденными физиологическими механизмами и ритуалами животных и моральными нормами человека. Как показал К. Д. Л. Винн, в экспериментах Вааля

и Броснан есть риск в поиске антропоморфических объяснений для нечеловеческого поведения. Факт неприятия обезьянами той или иной ситуации не тождествен факту наличия у них чувства или представления справедливости. Вторую крайность являет собой особый взгляд на эволюцию, согласно которому механизмы приспособленности ориентированы исключительно на выживание особи. Эта позиция не согласовывается с многократно наблюдавшимися фактами взаимной помощи у животных. Ввиду широкой распространенности альтруистического поведения становится невозможным отрицать моралеподобные феномены в животном мире.

Определенные предпосылки справедливости коренятся в биологических, дочеловеческих и первобытных типах человеческого поведения, в естественной склонности к заботе о других. При этом попытки истолковать поведение животных наталкиваются на трудность выявления в нем модуса долженствования, а без этого нельзя говорить о морали в строгом смысле. Только человеческое поведение регулируется небиологическими нравственными императивами (первоначально в виде табуирования определенного типа действий). Таким образом, феномены, интерпретируемые как справедливые в животном мире, обладают функциональным сходством, но не тождественны аналогичным явлениям в человеческом мире.

Во втором параграфе *«Справедливость в лингвокультурной перспективе»* феномен справедливости анализируется в контексте архаического мировоззрения и языка древних культур. Этимологические и сопутствующие им исследования (Я. Ассман, Э. Бенвенист и др.) показывают, что древние культуры понимали «справедливость» прежде всего как слово, указывающее на существенные связи внутри миропорядка и выполняющее важнейшую функцию оценки упорядоченности бытия.

Для культур Древнего Востока характерна «коннективная справедливость» (Я. Ассман), создающей основу социального единства и сплоченности, она также связывает достижение с действием, наказание с преступлением, обеспечивая этим смысл, логику и связность в случайном, бессвязном без нее потоке событий. Древнеегипетский термин «Маат» имел такие значения, как «истина», «порядок»,

«правда», «справедливость» и уже в эпоху Древнего царства стал достаточно абстрактным понятием. В древнем Междуречье аналогом египетского Маат были «киттум» (правда) и «мишарум» (справедливость). В древнееврейской культуре им соответствует «цадака» צדקה (tsdq), также имеющий значение «мировой, космический порядок». В Китае справедливостью называется «и», которая включает в себе идею «правильного (джэн) соответствия (и) содержания – форме, субъективных потребностей – объективным требованиям, внутреннего чувства справедливости – внешним императивам общественного долга».

Индоевропейский корень, общий для санскритского rta, иранского arta (asha), латинских ars, artus, ritus, означал «порядок как гармоническое соответствие всех частей некоего целого». Земные порядки – неразрывная часть общемировых глобальных космических порядков, имеющих божественное происхождение. Санскритское rta в значении «правда, порядок, закон, пожертвование» родственно таким современным словам, как «ритуал», «ритуальный», поскольку ритуал означает нечто упорядоченное и священное, нечто поддерживающее социальный и одновременно космический порядок с помощью правильного поступка, слова, деятельности. В греческом языке имеется производное от корня *dhē (размещать, устанавливать) и родственное «дхарме» слово θέμις. Как полагает Э. Бенвенист, θέμις относится к семейному (внутриродовому) праву, установленному богами, и противостоит δίκη – межсемейному межродовому праву, установленному людьми. Олицетворения этих видов права суть богини Фемида и Дике. При этом Дике является своеобразной гарантией онтологического детерминизма мира.

Рефлексивные усилия ранних греческих мыслителей еще сохраняют «родимые пятна» мифологической синкретики и представляют собой неравновесное соединение «мифа» и «логоса» (например, в знаменитом фрагменте Анаксимандра). Однако Платоном осуществляется переход от метафизического к новому, нравственно-философскому прочтению δίκη. Уже от Платона к Аристотелю окончательно происходит сдвиг от синтетического к более аналитичному дискурсу о справедливости.

Латинские обозначения справедливости и права тождественны

древнегреческим (jus = δίκη, fas = θέμις). Римское мышление впоследствии закрепляет за справедливостью сугубо юридическую, правовую трактовку. Это толкование до сих пор в европейских государствах связывает право и справедливость напрямую («министерство юстиции»).

В русском слове «справедливость» также на глубинном уровне соотнесены логический, моральный и социальный порядок. Корневые основы справедливости и правильности, правды, праведности, управления совпадают. *Справедливость* означает *правильный*, *верный*, *истинный* порядок вещей и человеческих отношений в обществе. При этом и от слова «порядок» можно образовать моральные термины – «порядочность», «порядочный».

В третьем параграфе анализируется **«Чувство справедливости в ситуациях несправедливости»**. Чувство справедливости не является простым психическим явлением, по большей части чувством оно называется по аналогии, которая восходит к английским сентименталистам (Э. Шефтсбери, Ф. Хатчесон, А. Смит).

Диссертант показывает, что будет ошибкой (как это делает редукционизм) отрицать самостоятельность чувства справедливости и сводить его к другим явлениям (например, к зависти или ресентименту). Даже такой редукционист в области морали, как Ф. Ницше, отнюдь не сводит справедливость в целом к ресентименту, но, по сути, раскалывает ее на две части: рабскую ресентиментную и активную господскую.

Чувство справедливости не может быть абсолютно иррациональным и может возникнуть только после минимальной предварительной осведомленности о том, что есть справедливость. Сложность чувства справедливости вызвана наличием в нем как эмоциональной компоненты (возмущение и негодование), так и когнитивной. Рефлексивно-когнитивная составляющая проявляется в минимальной способности соотнести действие или явление и реакцию на него. В качестве третьей компоненты можно считать интериоризированное представление об эталоне справедливости. При этом само чувство справедливости может трактоваться двояко: как осознающее содержание справедливости, так и чувство в отношении возможной справедливости, не некой определенной справедливости

(В. Фикенчер). Иными словами, конкретное чувство справедливости может проявляться у разных людей и в разных ситуациях и как неопределенная эмоция, и как высоко рефлексивное состояние сознания.

Чувство справедливости тесно связано с *ситуацией несправедливости*, то есть когда обнаруживается неравенство при априорно предполагаемом равенстве и наоборот — равенство при априорно предполагаемом неравенстве; когда совершается преступление (право) или проступок (мораль), приводящие к нарушению или разрушению установленных и представляющихся правильными границ правового или морального порядка. В этом смысле *в социальном плане* несправедливость часто оказывается первичной справедливости. Подобную неустранимость зла для любой социальной структуры Ж. Бодрийяр назвал «проклятой стороной вещей».

Важную роль в обрисовке ситуации несправедливости имеют «обстоятельства справедливости», впервые сформулированные Д. Юмом. Два условия ситуации несправедливости предполагают ограниченность благ и ограниченность великодушия. Помимо этого, по мнению, диссертанта, полноценный дискурс о справедливости и сама проблема справедливости возникают в ситуации, когда сталкиваются интересы сравнимых по силе и возможностям субъектов, способных отстаивать свою правоту.

Каждая из ситуаций несправедливости, однако, способна породить только формальную необходимость понятия справедливости. Специфика же содержания понятия, его экспликация не следует напрямую из ситуации, но зависит от приоритетов, теоретических возможностей и, главное, от сложившегося категориального набора социокультурной общности, поскольку именно «*априорные формы культуры*» (О. Шпенглер) и социума задают принципы когнитивного наполнения чувства справедливости.

В четвертом параграфе «*Значение и смысловая концептуализация справедливости*» раскрывается логико-понятийная сущность феномена справедливости. Диссертант определяет предметное значение термина «справедливость», то есть предметную область, тот класс предметов, которые им обозначаются, в отношении к которым он может применяться («*judicanda*»

справедливости, по Т. Поггу). Справедливость – понятие, полностью применимое только для мира субъектов свободной и сознательной деятельности, и их производным (социальные правила и социальные институты, положения дел, события, ситуации, действия и бездействия, повеления, решения, принципы и т.п.).

Значение справедливости – это определенный стандарт порядка, распределения и соразмерности. Справедливость выражает качество соответствия правильному, правде, правому, то есть верному вообще, должному в отношении существования, распределения и в отношении внутреннего гомеостаза социальной реальности (как личности, так и общества).

В зависимости от того, какие термины, понятия и категории избираются в качестве специфицирующих, образуются разные концепты и, соответственно, концепции справедливости. Диссертант приводит ключевые концептуализации из истории европейской философии. С точки зрения Платона, справедливость – это *гармоничное взаимодействие различных частей в рамках целого* (будь то душа или полис-государство), когда «каждое из имеющихся в нас начал выполняет свое». Платоновская справедливость, таким образом, – это системное качество, характеристика, свойственная хорошо упорядоченному целому. Аристотель говорит о таких значениях: законопослушность, непереступание закона; равенство – *isos*; несвоекорыстие – противоположность плеонексии, алчности. Характерно, что некоторые переводы классических древнегреческих философских текстов на английский язык, выполненные в последние годы, термин *δικαιοσύνη* передают не как «justice», а более широко – как «morality» (мораль). В свою очередь, средневековая христианская традиция понимает этот термин как праведность. В диссертации также обсуждаются четыре понимания справедливости, выделенные Вл. С. Соловьевым: *rectitudo* (правильность, достоверность), *legalitas* (легальность или законность), *aequitas* (равенство) и *justitia* (общий альтруистический принцип).

Разновидностью концептуализации можно считать принципы и критерии справедливости. В разное время разными авторами были описаны разные критерии: юстинианский юридический принцип «*suum cui que tribuere*» (каждому свое); справедливость как взаимность; справедливость как взаимная выгода;

иерархический критерий – согласно рангу и статусу; просвещенческий принцип беспристрастности, реализующий единые принципы для всех; строго поровну, то есть каждому – одно и то же; по потребностям; по заслугам; по труду; по способностям; по вкладу в общее дело; принцип Парето и т.д. Многие концепции справедливости представляют собой развертывание узкого монокритерия справедливости. Однако на сегодняшний день обсуждаются и считаются более актуальными плюралистические критерии (например, два принципа Дж. Ролза).

Концептуальные редукции могут быть объяснены стремлением к простоте. Они дают удобный критерий, значительно облегчающий повседневное использование. Однако в этой объяснительной силе редукций скрыта и слабость за счет игнорирования действительных и возможных обстоятельств, противоречащих используемому принципу, или неправильная их интерпретация.

В пятом параграфе *«Дефиниция и основные дистинкции справедливости»* дается определение понятия «справедливость» и приводятся основные типы его деления.

Справедливость есть культурная и языковая универсалия. Основная проблема справедливости заключается в ее общем характере, не имеющем однозначного содержательного истолкования. Не существует единого стандарта того, какими должны быть вещи, явления или ситуации, чтобы считаться справедливыми. Очевидно, что разные классы объектов по-разному могут характеризоваться с позиций справедливости, что напрямую связано с контекстом. Оправданность и обоснованность моральных принципов проявляется только в реальном контексте со специфическими характеристиками. Тем самым справедливость есть универсальная идея, специализируемая за счет тех или иных критериев и принципов, сложившихся исторически и применимых ситуационно и контекстуально.

Справедливость в целом имеет целью достичь должного равенства или должного неравенства. Это обстоятельство делает невозможным полностью свести справедливость к равенству, так как здесь с необходимостью фигурирует момент долженствования и возможность присутствия неравенства. Справедливость есть мера или пропорция равенства (неравенства), мера

правильного сочетания частей целого, принципиально возможная в двух вариантах: эгалитарном горизонтальном и иерархическом вертикальном. Соответственно, могут быть в равной степени обоснованы как эгалитарные, так и иерархические (обосновывающие ту или иную форму неравенства) концепции справедливости.

Далее в диссертации дается авторское определение справедливости. **Справедливость есть аксиологически обоснованная мера должного распределения социальных благ и тягот.** Понятие меры выражает здесь количественно-качественную определенность предмета, посредством чего этот предмет можно измерить. В контексте дефиниции мерой можно считать любую концептуализацию справедливости.

Диссертант понимает здесь распределение в самом широком смысле слова, как бессубъектный процесс, то есть как нечто такое, что пронизывает всю социокультурную реальность, осуществляя социальный и культурный метаболизм, обмен и циркуляцию всех видов благ и анти-благ. Воздаяние, наказание, взаимный обмен, дележ и распределение в узком смысле (или дистрибуция, то есть распределение с легко обнаруживаемой субъектной инстанцией) рассматриваются как разновидности распределения.

Далее диссертант приводит и анализирует ставшее классическим аристотелевское деление справедливости на общую и частную (специальную) справедливость, а также деление частной справедливости на распределительную и уравнивающую.

Выделенные в диссертации возможные и действительные дистинктивные различия на уровне концепций справедливости позволяют оценить размах теоретического видения феномена справедливости.

Вторая глава «**Аксиология справедливости**» включает в себя пять параграфов и посвящена рассмотрению аксиологического содержания справедливости. Диссертант рассматривает связь справедливости, блага и истины, положение справедливости в ценностной иерархии, онтологический статус ценности справедливости, а также способы мышления о справедливости.

В первом параграфе «*Справедливость как аксиологический феномен*»

раскрывается особенности справедливости как ценностного явления.

Справедливость можно понимать и как «отражение» более общего Блага (Добра), и как принцип соразмерности в распределения благ и анти-благ (ценных явлений и их противоположностей). В этом смысле благо (во множественном числе или в единственном) напрямую связано с ценностью и с особым типом отношения человека к миру.

Необходимость ценностей вытекает из особого характера человеческой природы, фундированной не биологическими инстинктами, но символическими структурами культуры.

Справедливость по праву занимает свое место в ряду оценочных категорий, налагаемых субъектом на происходящее, окружающее. Так, в отношении общественных процессов справедливость имеет сложный амбивалентный характер, так как может быть направлена и на сохранение и на изменение действительности. С одной стороны, справедливость предстает революционной ценностью, т. е. ценностью изменений и преобразований. В то же время именно к ней взывают и те, кто стремятся сохранить и защитить существующий социальный порядок. В этом смысле она являет собой консервативную ценность, т. е. ценность наличного сущего как должного.

Фигуры справедливого определяют границы модальностей востребуемой или реализованной легитимности, образы несправедливого – границы модальностей разоблаченной нелегитимности.

В диссертации ценность понимается как типическое предпочтение социальных субъектов, как результат придания значимости чему-либо: явлению, предмету или ситуации. Ценность представляет собой результат различения, отнесения к важному.

Диссертант раскрывает ряд подходов к определению ценности (В. П. Тугаринов, Г. П. Выжлецов, С. Левицкий, О. Дробницкий и др.) Наиболее обоснованным представляется подход (А. А. Ивин), в котором вводятся нулевые ценности, которые оцениваются как нейтральные. Этот подход отражает принцип аксиологической полноты и охватывает все виды предпочтений и значимостей. Соответственно можно говорить о существовании явлений «справедливых»,

«несправедливых» и «ни справедливых, ни несправедливых» (или «вне-справедливых»). Зонами оценочной посредственности, нулевой зоной оценок справедливости можно считать, как минимум, всю сферу эстетических оценок и сферу объективного естественно-научного знания.

Если истина проводит соответствие между информацией о реальности и самой реальностью, то справедливость проводит соответствие между реальностью (объектом) и образом этой реальности (желаемым образцом, должным образцом – то есть ценностным стандартом). В справедливости подразумевается образ должной реальности. Тем не менее, истина может выступать в качестве условия справедливости, сопутствующей ценности, сопутствующего обстоятельства. Ясность, прозрачность, истинная и достоверная информация – важные условия реализации справедливости, каким бы ни было ее толкование. К истине справедливость может также относиться через наличие элементов описательности. Некоторые суждения справедливости могут в зависимости от контексте принимать истинностную характеристику, но оценки справедливости не бывают истинными и ложными.

Во втором параграфе *«Формальные параметры оценок справедливости»* диссертант намечает границы рационального дискурса о справедливости.

Серьезный вклад в развитие логики ценностей внес М. Шелер, которые сформулировал целый ряд аксиологических принципов, которые воздействуют на наши рассуждения и которые диссертант переформулирует для справедливости.

Четыре аксиомы отношения бытия к позитивным и негативным ценностям:

- существование некоторой позитивной ценности само есть позитивная ценность (= существование справедливости позитивно ценно); существование некоторой негативной ценности само есть негативная ценность (= существование несправедливости негативно ценно);

- несуществование некоторой позитивной ценности само есть негативная ценность (= отсутствие справедливости негативно ценно); несуществование некоторой негативной ценности само есть позитивная ценность (= отсутствие несправедливости позитивно ценно).

Сущностные связи есть между ценностями и долженствованием:

- всякое долженствование должно быть обосновано ценностями, т. е. должны и не должны существовать только ценности (= справедливость обосновывается ценностями);

- должны существовать только позитивные ценности, негативные же существовать не должны (= должна существовать только справедливость, несправедливости не должно быть);

- имеет право на бытие все (позитивно) должное, не имеет – все недолжное (= справедливость имеет право на бытие, несправедливость – нет);

- не имеет права на небытие все должное (= справедливость не имеет права не быть);

- все недолжное имеет право на небытие (= несправедливость имеет право не быть).

Связи между самими ценностями, независимо от того, имеют они бытие или не имеют: одна и та же ценность не может быть одновременно и позитивной, и негативной (= справедливость не может быть одновременно и позитивной, и негативной); всякая не негативная ценность позитивна, а всякая не позитивная ценность негативна (= не несправедливость позитивна, а несправедливость негативна).

Изучение оценочного рассуждения о справедливости позволяет распространить формальные критерии рациональности на область этих суждений, не отрицая существования субъектов, которые могут приписывать положительную и отрицательную ценности внутренне противоречивым вещам.

Логика оценок – ветвь современной модальной логики. Правомерно говорить и о логике справедливости (как частный случай логики оценок), где «справедливо» – это особая модальность, которая не просто сообщает, что некоторая ситуация имеет или не имеет место, не только говорит о наличии или отсутствии у предметов каких-либо свойств или отношений, но и дает квалификацию данной ситуации, уточняют устанавливаемую в высказывании связь.

Как в структуре любой оценки, в структуре оценки справедливости (как высказывания о справедливости) можно выделить следующие элементы: субъект,

предмет, характер, основание оценки. 1. *Субъект оценки* – лицо или группа лиц, приписывающее ценность некоторому предмету. Концепция релятивности оценок гласит: суждение субъекта *X*, согласно которому нечто является справедливым, и суждение субъекта *Y*, согласно которому это же является несправедливым, могут быть равно обоснованными. В качестве необходимого условия полноценного анализа понятия справедливости необходимо учитывать специфику и масштаб субъектов справедливости, а также фактор времени. Иными словами, немаловажно кто и когда высказывается о справедливости. 2. Предмет суждения справедливости – это то, что оценивается с позиции справедливости, то есть *judicanda* понятия «справедливость». 3. В зависимости от характера оценки бывают двух видов: *абсолютные*, в формулировках которых фигурируют термины «(не)справедливо»; *сравнительные*, где в отношении ценности сравниваются предметы (или ценности) и используются термины «равноценно», «(не)справедливее». Иными словами, характер оценки – это то, *как* мы высказываемся о справедливости. Хрестоматийным примером сравнительного оценивания с точки зрения справедливости является сократовский тезис «Лучше несправедливо страдать, чем несправедливо поступать» и сопровождающая его аргументация. 4. Основание оценки справедливости – это то, *почему* или *на основании чего* мы высказываемся о справедливости. Не всегда мотивами и доводами, руководящими нашим оцениванием, являются те или иные знания о свойствах оцениваемого предмета, некоторые из них характеризуют только позицию оценивающего, а не свойства оцениваемого предмета. Таким образом, основанием для оценок справедливости могут быть: а) любые модификации чувства справедливости, включая ресентимент; б) идея, образец, идеал, критерий, стандарт, другая оценка или ценность (то или иное понимание самой справедливости).

Последнее вносит необходимость различения местоположения справедливости в иерархии других ценностей, так как мера должного – это переменная, которая зависит от социокультурного прочтения и в структуре оценок относится к основанию оценок.

Третий параграф «*Справедливость в системе ценностей*» содержит анализ

справедливости в рамках «иерархической» аксиологии, которая изучает структуру и иерархию фундаментальных ценностей. Иерархизация основных классов ценностей осуществлялась в аксиологии нередко, но наиболее известное (и, возможно, самое глубокое) осмысление ценностной иерархии встречается у М. Шелера. В иерархических системах ценностей следует различать два порядка, из которых один («формальный») упорядочивает ценности в соответствии с разной высотой их сущностных носителей, другой («материальный») – собственно ценностные модальности.

Диссертант рассматривает справедливость внутри *формального порядка* сущностных носителей ценностей, опираясь на различия, не всегда данные с содержательной интерпретацией, М. Шелера. К примеру, *ценности убеждения, действия, успеха* располагаются в этом ряду по нисходящей. Тем самым убеждение в справедливости чего-то выше справедливого действия в силу того, что убеждение может еще воплотиться многократно, а действие единично. Видимо, и успех справедливости ниже нравственных в своей основе убеждений и действий по той причине, что он может быть вообще случайным и являться результатом стечения обстоятельств.

Не менее важна *иерархия ценностных модальностей*, которые бывают позитивными или негативными. Иерархия второго («материального») порядка описывается М. Шелером в возрастающей последовательности четырех рядов. 1. Ценности «приятного» и «неприятного». 2. Совокупность витальных ценностей чувства. 3. Духовные ценности, включающие «прекрасное» и «безобразное» и весь круг чисто эстетических ценностей; ценности «справедливого» и «несправедливого»; ценности чистого познания истины. Производными от всего этого ряда являются ценности культуры, которые по своей природе относятся уже скорее к области благ, т. е. носителей ценностей (шедевры искусства, научные институты, законодательство и т. д.). 4. Высшей априорной ценностной модальностью оказывается модальность «святого» и «несвятого», «сакрального» и «несакрального». В соотношении с этой ценностной модальностью все остальные ценности являются ее символами.

Тем самым, справедливость – существенная, но не самая главная ценность в

ценностной иерархии, это духовная ценность, выше которой располагается ценностный ряд сакрального. Это влечет за собой проблему соотношения справедливости с более высокими, предельными ценностями, которые не доказываются, но суть предметы веры, убеждения.

Принципы справедливости невозможно выяснить без обращения к фундаментальной системе ценностей, независимой в отношении справедливости и принятой в определенный период определенным человеком или группой.

Существует по меньшей мере два основных типа абсолютных ценностных систем и соответствующих способов нормирования деятельности: акцент на части и акцент на целом, когда в качестве высшей ценности признается индивид или общество. В XX в. эта контрверза проявилась в противопоставлении открытого и закрытого общества (К. Поппер), механической и органической солидарности (Э. Дюркгейм), традиционных и новых обществ. Свое продолжение она имеет и в идее справедливости. Так, современная философия справедливости развивается в двух противоборствующих направлениях: либерализм и коммунитаризм.

Для культурных типов также есть *две возможных системы ценностей*: 1) западный индивидуализм; 2) восточный сверхиндивидуализм, холизм (Китай, ценность – социальное целое) и трансперсонализм, характерный для Индии и Византии. Ценностные основания разнятся и в зависимости от эпохи. Можно говорить о динамике представлений о должном и справедливости в разные эпохи: Античность, Средние века, Модерн, Постмодерн.

Опираясь на концепцию А. Брехта диссертант приводит несколько типов пониманий справедливости: эгалитаристское, выражающее равенство; либертистское, отражающее принцип свободы; ревелационистское, стремящееся исполнить волю божества, данную через откровение; консервативное и традиционалистское; авторитаристское, полагающее, что следовать за руководством справедливо, противоречить ему – несправедливо; мажоритарное, выражающее волю большинства; эвдемонистическое (утилитаристское), ищущее наибольшего счастья для наибольшего числа людей; групповое, служащее интересам группы; гармонизаторское, высшей ценностью видящее гармонию; трансперсоналистское (справедливость «строителя пирамид»), считающее

справедливым всё, что служит надличностным целям, включая цивилизацию, культуру, будущие поколения, развитие народного духа или более специфические цели – покорение Эвереста, строительство храмов, создание произведений искусства.; «долговое», центрирующееся на долге и обязательствах; «космизирующее», в котором справедливо то, что способствует сохранению спокойствия и порядка.

Четвертый параграф *«Справедливость и социокультурный объективизм»* входит в обсуждение вопроса об онтологическом статусе ценностей вообще и справедливости в частности.

В классической аксиологической онтологии сложились разные варианты трактовки онтологического статуса ценностей.

Первое прочтение справедливости подразумевает, что она существует как самостоятельная реальность, особое качество, независимое от человека. Второе мыслит справедливость как нечто значимое лишь для мыслящего и оценивающего субъекта, т. е. как фрагмент субъективного отношения к реальности (или даже как порождение субъективного сознания). На взгляд диссертанта, расширение индивидуального субъекта до коллективного субъекта вполне оправданно и устраняет недостатки строго субъективистского взгляда. Это влечет за собой признание первостепенной важности социокультурного контекста, признание социальной объективности ценностей как результата объективации субъективного духа.

Диссертант анализирует концепцию «квазиобъективности моральных ценностей» (Л. В. Максимов). В частности, одно из главных проявлений квазиобъективности моральных ценностей – это *содержательная общезначимость* моральных принципов и норм, понимаемая как фактическая «общепринятость» определенных моральных норм. Это свойство моральных норм можно рассматривать как показатель их *квазиобъективности*, поскольку они объективны по отношению лишь к отдельному человеку или локальной группе, но в то же время субъективны в силу их всецелой принадлежности к духовному миру человечества.

Нет безличного, надвременного, надкультурного всеобщего абсолютного

разума и никакие априорные суждения не могут считаться универсальными, так как они сами базируются на культурно-исторических предпосылках мышления. Такие предпосылки указывают на предельные нормативные основания сознания и поведения, то есть на ценности данного сообщества. Тем самым подход *социокультурного объективизма* в отношении ценности справедливости может быть принят как наиболее обоснованный.

В пятом параграфе **«Утопия и мысленный эксперимент в теоретизировании о справедливости»** диссертант выделяет два способа мышления о справедливости и рассматривает их взаимоотношение и специфические особенности.

В основе утопии лежит операция сравнения данной реальности и реальности желаемой, точнее, сравниваются два образа – образ наличного и образ должного. В результате сравнения выносится нечто вроде вердикта образу наличной действительности. Дальнейший ход действий может проходить по двум направлениям: мы позитивно даем образ должного, тот самый, на основе которого мы и сравнивали, либо мы даем намеренно утрированный образ наличной действительности, доводя до предела гротеска и отталкивающей эстетики. С помощью двух этих возможных способов – утопия и антиутопия (или, иначе, дистопия) – наличная действительность, точнее, ее образ, критикуется в своей *принципиальной* основе. Дескриптивно-прескриптивная сущность справедливости проявляется в таком описании справедливого положения вещей, хромотопического и ритмологического, которое предписывает реальности, требует от нее соответствовать этому описанию.

Альтернативой утопизму является мысленный эксперимент. Действительно, одним из ведущих способов исследования сущности справедливости в прошлом столетии был мысленный эксперимент, яркие образцы которого продемонстрировали Дж. Ролз и Р. Нозик. Мысленный эксперимент может быть определен как вид познания, в котором исследователь контролирует и ограничивает обстоятельства и условия испытаний, так что выбирает только одну переменную или одно неизвестное, при этом ситуация разыгрывается не в реальных условиях, а в воображении. Получение выводов в мысленном

эксперименте должно удовлетворять пяти критериям: ясность, связность, релевантность, информативность, проективность (П. Свирски).

Утопический дискурс и дискурс мысленного эксперимента в применении к теоретизированию о справедливости могут применяться в равной степени. Очевидное различие между ними в способах отношения к действительности. В истории мысли оба дискурса находили свое применение (классическая утопическая литература и классические концепции справедливости), при этом, по-видимому, каждый из дискурсов сохраняет своего «оппонента» в качестве фона. Утопическое мышление строится полностью или в некоторых своих элементах на мысленном эксперименте. Не продумав в какой-то степени проблему справедливости, нельзя построить картину желаемой социальной действительности, в свою очередь, мысленный эксперимент может быть понят как выжимка рационалистического потенциала утопического мышления.

С аксиологическим измерением справедливости непосредственно связана и ее нормативная природа, поскольку представления о справедливости имплицитно или эксплицитно содержат импульс переустройства общества по определенным принципам.

Третья глава «**Деонтология справедливости**» включает шесть параграфов и раскрывает комплексность и многообразность деонтической репрезентации справедливости в жизни общества.

Первый параграф «**Нормативность справедливости**» посвящен общему анализу норм справедливости.

Нормы образуют «грамматику общества» (К. Бикьери), обеспечивающую связь элементов социальной системы; «этос общества» (Ю. В. Согомонов), означающий нормативно-ценностную систему общества. В сущностном ядре культуры находятся идеи и смыслы особой (для данной культуры) ценности. Справедливость входит в число таких особо ценных социокультурных нормативных категорий. Справедливость указывает на *должное* положение вещей и осуществляет регулятивную функцию.

Норма – это реализованное или нереализованное (но потенциально реализуемое) правило деятельности. Тем самым норма вообще сочетает два

полюса – постоянного, закономерного и массовидного наличия (сущее) и требуемой заданности (должное). Теоретический принцип Д. Юма («гильотина Юма») запрещает выводить нормативные и ценностные суждения из описательных, переходить от связки «есть» к «должно» и наоборот. Это образует одну из главнейших практических проблем справедливости – то, что справедливо в идее, далеко не всегда имеется в реальности.

Типы и виды норм многообразны (Г. фон Вригт, А.А. Ивин). Справедливость свое воплощение находит в нескольких группах норм. Это законы, заповеди, предписания, так называемые «технические» нормы, традиции (талион как справедливость родовой мести), моральные принципы и правила идеала.

Нормы всех видов, несмотря на их многообразие, имеют пятиэлементную структуру (содержание – нормируемое действие; характер – запрещение, разрешение, обязательность; субъект – адресат нормы; авторитет – источник нормы; условия приложения). Не всегда каждый из этих элементов сформулирован явным образом. Тем не менее анализируя нормы справедливости, следует принимать во внимание все указанные элементы. Основное отличие норм от оценок связано со степенью жесткости влияния на поведение людей, что воплощается в конечном счете в наличии или отсутствии санкций.

Нормы справедливости суть конкретное, содержательное истолкование идеи (ценности) справедливости. Нормы справедливости – предельные спецификации ценности справедливости в социальном контексте. Из нормы, предписывающей некоторое действие, логически следует позитивная оценка данного действия тем, кто установил данную норму. Так, из нормы, предписывающей быть справедливым, логически следует позитивная оценка справедливости людьми, выдвигающими данную норму и предполагающими, что ее несоблюдение должно наказываться. Аксиологически оцененное как «хорошее» деонтически разрешается или предписывается как обязательное. Аксиологически оцененное как «плохое» деонтически запрещается. Безразличное, нейтральное и посредственное не нормируется. Несправедливость запрещается, справедливость разрешена или обязательна. Обязательность справедливости

запрещает несправедливость и не разрешает несправедливость; запрещать несправедливость значит не разрешать несправедливость. Общим нормам труднее следовать и они очень похожи на оценки и принципы. В этом плане оправдано говорить о двух уровнях норм справедливости: общем и конкретном (контекстуальном), то есть специфицированном через другие элементы нормы.

Справедливое действие должно находиться в согласии со специфическим типом умозаключения – с практическими (нормативными, деонтическими) силлогизмами. Выводом практического силлогизма будет не теоретическое суждение, но действие или руководство к действию. Возможны также умозаключения, содержащие нормативные суждения о справедливости.

Второй параграф *«Нормативные области справедливости»* показывает, что ценностно-нормативное содержание справедливости получает свою конкретизацию в разных областях социальной деятельности.

Диссертант анализирует и принимает положительные стороны концепции Петера Слотердайка, которая сводит человеческое существование к бытию в «сферах». Отмечается также плодотворность идей П. Бурдье об автономизации полей социального пространства, несводимость интересов и правил распределения символического капитала в различных полях. Важные аспекты понимания функционирования норм справедливости дает теория позднего Л. Витгенштейна, поскольку языковые игры структурируют саму возможность высказываний о справедливости, являясь своеобразным аккумулятором опыта справедливости, накопленного сообществами, который, однако, нельзя генерализировать.

Теоретическую разработку тенденций рассматривать справедливость с неуниверсалистских, партикуляристских позиций произвел американский философ М. Уолцер. Ни один из дистрибутивных критериев (свободный обмен, заслуга, потребности), взятый сам по себе, не может привести к должному, то есть справедливому, результату. Из этого вытекает правомерность следующей нормы: «различные блага для различных человеческих сообществ по различным основаниям и в соответствии с различными процедурами». М. Уолцер насчитывает и подробно анализирует одиннадцать дистрибутивных сфер, создающих контекст справедливости: членство, безопасность и благосостояние,

деньги и товары, должность, тяжелая работа, свободное время, образование, родство и любовь, божественная благодать, признание, политическая власть. Теоретические наработки М. Уолцера обладают высокой долей убедительности в силу того, что они когерентны с логикой оценок, носят достаточно общий и универсальный характер, имплицитно допускающая многообразие и различие культур, в то время как концепция Дж. Ролза недостаточно универсальна и, по признанию самого автора, применима только для западных сообществ.

Актуальной представляется также концепция Л. Болтански, Л. Тевено, которые в своих работах разрабатывают гипотезу, что ситуации, близкие друг к другу во времени и пространстве, могут обосновываться на основании различных принципов справедливости. Авторы говорят о семи обособленных моральных мирах, очевидно опираясь на концепцию сфер справедливости М. Уолцера, при этом сократив их количество. Это мир вдохновения (религия, харизма, творчество, дети), домашний мир, мир известности, гражданский мир, мир рынка, индустриальный мир, а также проектный мир.

Обобщая сильные стороны рассмотренных концепций диссертант предлагает выделять шесть областей справедливости по специфике циркулирующих благ: 1) *область включения*, в которой распределяются блага принадлежности и членства в сообществе, а также блага симпатии и любви; 2) *политическая область*, распределяющая прежде всего публичную власть; 3) *юридическая область*, в которой осуществляется правовая ретрибутивная регуляция общественной жизни на основе прежде всего распределения наказаний; 4) *экономическая область*, регулирующая циркуляции денег, товаров, работы и свободного времени, и в целом благосостояния людей; 5) *религиозная область* относится к сложным мировоззренческим вопросам доступа, разграничений и распределений божественной благодати, спасения и конечного нравственного воздаяния; 6) *образовательная область* охватывает все виды дистрибуций в образовании.

Таким образом, нормы справедливости имеют контекстный характер и конкретные границы, очерченные: 1) объектами оценивания – благами и тяготами; 2) правилами распределения этих благ и тягот в конкретных областях социальной реальности; 3) субъектом и условиями приложения. В этой связи диссертант

считает, что есть основания выделить по крайней мере три уровня нормативных областей справедливости в зависимости от масштаба субъектов: микро-, макро- и мегауровень. Схематическое наложение областей на уровни дает возможность построить простую модель социокультурной реализации справедливости.

В третьем параграфе «*Нормы микросправедливости*» рассматривается вопрос следования нормам справедливости на личностном уровне. Субъектом норм справедливости на микроуровне является индивид в контексте своего ближайшего социального окружения, включающего в себя разнообразные малые группы. Небольшие группы и межличностные отношения – основной горизонт действия норм личностной, микроуровневой справедливости. Микроуровневые нормы являются по преимуществу моральными.

Особую значимость для философии справедливости имеет вопрос динамики рецепции и восприятия индивидом норм справедливости и их актуализации в поведении. Интересны исследования Жана Пиаже о генезисе морального суждения у детей. Он выделяет два типа уважения закона, которые соответствуют двум типам социального поведения: 1) мистическое уважение законов; 2) рациональное и мотивированное уважение правил и законов. Помимо этого, можно говорить о двух «чистых» типах морали: гетерономная мораль и автономная, в основе которых лежат принуждение и односторонне уважение, с одной стороны, кооперация и взаимное уважение – с другой. Указанные два типа морали порождают и два типа соответствующих представлений о справедливости: имманентная справедливость (ретрибутивная) и дистрибутивная (equite). Приблизительным рубежом, разделяющим эти представления, будет возраст 7–8 лет.

Важным дополнением к теории Пиаже, являются исследования Л. Кольберга, который обнаружил, что стадии, на которых глубоко осознаются идеи справедливости появляется в середине третьего десятилетия жизни и никогда не бывают преобладающими. Большинство взрослых, живущих в городах и принадлежащих к среднему классу, достигают четвертой стадии, а небольшой процент использует ряд рассуждений, типичных для пятой. Тем самым рефлексивный потенциал личности и особенности ее социокультурного

окружения напрямую влияют на способности усваивать, интерпретировать и формулировать нормы и принципы справедливости.

Поскольку малая группа становится солидарной через следование серии норм, отделяющих членов данной группы от всех остальных, разделяя на своих и чужих, то здесь приоритетной областью будет *область включения*, самая важная нормативная область справедливости, в которой распределяются блага принадлежности и членства в сообществе, симпатии и любви. Граница между внешними и внутренними, как правило, очень четко проведена: внутри обязательно правило прескриптивного альтруизма; снаружи – нет. Следовательно принципы и нормы малой группы представляют собой главнейший источник неравенства и несправедливости (например, в виде фаворитизма и nepотизма).

Диссертант отмечает, что реализованная тем или иным способом справедливость (как воплощенный принцип или осуществленная норма) обладает постоянным риском распада и энтропии, долговременность ее существования зависит от возобновляющихся усилий по ее поддержанию. Морально-нравственные пороки, недостатки и несовершенства индивида – главные факторы отсутствия справедливости в жизни людей. Второй фактор – несовершенство социальных структур. Связь микро-, макро- и мегауровней носит в этом смысле характер глубокого взаимного влияния.

Четвертый параграф **«Макросправедливость»** рассматривает справедливость на макроуровне, уровень институций и действия надличностных социальных структур.

Нельзя сказать, что здесь совершенно игнорируются микроуровневые процессы и явления, поскольку зачастую акты индивидуальной несправедливости суть реакция или естественное следствие общей несправедливости в макросистеме (системная или структурная несправедливость).

Диссертант подробно рассматривает нормативные области на макроуровне.

Область включения. Первичное благо, которое люди распределяют друг другу, – это *членство* в каком-либо человеческом сообществе. Вопросы, связанные с членством и принадлежностью к сообществу, затем во многом определяют все остальные решения по распределению благ и тягот. Важно

заметить, что членство как социальное благо не распределяется между своими, оно им уже принадлежит, но распределяется «чужакам» и является для них проблемой. Следствием этого являются прежде всего вопросы социальной мобильности, связанные с тем или иным вариантом миграционной политики, процессами натурализации «чужаков», представлением прибежища беженцам, отношении к гастарбайтерам.

Политическая область справедливости представляет собой особое пространство конкурентной борьбы социальных субъектов за публичную власть. Важность политической области состоит в том, что в ее рамках завершается процесс концентрации различного вида капитала: экономического, культурного, символического, возможностей физического принуждения, в результате чего она делает из политического субъекта владельца своего рода метакapиTaлa, дающего власть над другими видами капитала и над их владельцами. Содержательное наполнение политической справедливости зависит от идейно-теоретической платформы политических субъектов, которая представлена соответствующими политическими идеологиями. Идеологии выражают свои представления о справедливости имплицитно (в случае консерватизма, национализма, экологизма, религиозного фундаментализма, фашизма) или эксплицитно (в случае анархизма, социализма, либерализма, феминизма).

Юридическая область включает в себя формальную правовую регуляцию общественной жизни. Справедливость в праве конкретизируется в разных нормах и принципах, важнейшим принципом юридической справедливости будет равенство перед законом и беспристрастности. Поскольку справедливость является двойственной, морально-правовой идеей, постольку некоторые правовые системы могут требовать (или запретить) то, что нравственно безразлично или даже то, что прямо безнравственно, и наоборот, нравственность может требовать юридически безразличного или противозаконного.

Экономическая область, регулирующая циркуляции денег, товаров, работы и свободного времени, общего благосостояния людей, также подлежит регуляции посредством морально-нравственных норм. В частности, в этой области несправедливо (запрещено) покупать и продавать за деньги: людей (включая их

тела и части тел) и их свободу; политическую власть и влияние; уголовное судопроизводство; свободу слова, печати, вероисповедания, собраний; освобождение от военной службы и других форм социально значимой деятельности.

Религиозная область относится к сложным мировоззренческим вопросам спасения и конечного нравственного воздаяния, «распределения» божественной благодати, а также вопросов отграничения религиозной области от других областей, в особенности политики и экономики.

Образовательная область охватывает все виды дистрибуций в образовании. *Внешние нормы* справедливости обусловлены влиянием политической, религиозной и других областей, например, когда происходит проникновение расовой, этнической, религиозной, статусной дискриминации. Удовлетворительной нормой справедливости, защищающей от внешних дискриминирующих тенденций и практик, в том числе приводящих к коррупции в образовании, будет норма, предписывающая равное распределение, основывающаяся на принципах «по потребности» и «согласно заслуге». Не менее важными для образования являются *внутренние нормы* справедливости. Например, обоснована норма неравного распределения образовательных возможностей «по способностям».

Двумя теоретическими иллюстрациями проблемы справедливости на макроуровне являются вопросы межэтнического взаимодействия и специфики норм справедливости в России. Представляется, что базовым решением проблем межэтнической справедливости является обретение, принятие общего аксиологического поля, достаточного для обретения общей идентичности, «мы» некоторого рода. Русская культура по сути не выработала общезначимых рациональных принципов социальной справедливости, сведя справедливость по большей части к чувству справедливости. Социокультурные причины не появления в России полноценной академической, сопоставимой с западной, традиции анализа справедливости, помимо всего прочего, можно видеть, во-первых, в отсутствии равных социально-политических субъектов (власть – народ), во-вторых, в доминировании морально-религиозного дискурса, ставящего на

место справедливости милосердие, которое или выше справедливости, или отождествляется с последним и делающим его избыточным.

В пятом параграфе *«Городская справедливость: на пересечении макро- и микроуровней»* выявляются особенности проявления справедливости на городском уровне.

Диссертант отмечает, что начиная с Античности город выступал в качестве удобной рамки и границы теоретизирования, и представления о справедливо устроенном обществе часто локализовались до отдельного города. Примером этому могут служить – Платоновский полис (одновременно город и государство), «Утопия» Т. Мора (федерация из 54 городов), «Город солнца» Т. Кампанеллы.

Обострение негативных сторон урбанизации с недавнего времени вызвало интерес этой проблеме городской справедливости, что выразилось в появлении публикаций, которые можно объединить под общей темой «Справедливый город» (Д. Харви, А. Лефевр, Д. Митчелл, С. Файнштейн, П. Маркузе).

Прежде всего сквозь призму идеи справедливости рассматривается архитектурное городское пространство в качестве разновидности социального пространства. Архитектурное пространство понимается как совокупность пространственных объектов, в которых отражается социокультурная модель общества, ценности и смыслы, актуальные для социальных субъектов. Диссертант рассматривает публичное пространство как важный сегмент архитектурного пространства, в рамках которого возникает проблема справедливости, и выделяет основные тенденции его современного существования.

Проблема исторической справедливости (как соответствие между историческим событием и его отображением в настоящем) в контексте городского пространства хорошо видна на примере отношения к памятникам, к прежним названиям улиц, проспектов, площадей вплоть до имени всего города. Однако переосмысление исторического прошлого производится разными субъектами с разных аксиологических позиций. Это приводит к необходимости соотнесения противоречивых мнений и интенций и выработки общих решений в случае их конфликта. В равной степени следует подчеркнуть роль как правительственных, так и неправительственных, общественных организаций в идентификации и

адресации вопросов городской справедливости. В связи с этим представляется необходимым обращение особого внимания на развитие коммуникативной составляющей пространства города, позволяющей обсуждать ценностные приоритеты. Подобная коммуникативная база позволяла бы придавать принимаемым общим решениям статус более легитимных и справедливых.

Диссертант эксплицирует два основных подхода, которые приводят к различным нормативным порядкам установления справедливости на городском уровне: революционный (неомарксистский) и диалогический.

Далее в параграфе анализируется проблематика справедливости в отношении к современным социальным исследованиям мобильностей, в частности в урбанизированной среде. Автором разбирается концептуальное содержание понятия «мобильностная справедливость» (mobility justice), которая имеет дело с социальными неравенствами и неравномерным распределением мобильности и иммобильности. Мобильностная справедливость связана с идеей «мотильности» (motility) – потенциальной мобильностью – и различными формами мобильностного капитала, так же неравномерно распределяемых.

В контексте общественного транспорта основным благом, подлежащим распределению, является мобильность, характеризующаяся доступностью, безопасностью, удобством и комфортностью и т.п. Дисфункции в осуществлении этих характеристик мобильности способны вызвать недовольство и привести социальных субъектов к конфликтам и «ситуациям несправедливости». И если аргументация в конфликтах по поводу использования обычного общественного транспорта в целом укладывается в логику «гражданского», «рыночного» и «промышленного» миров (Л. Болтански, Л. Тевено), то конфликты в таком проблематичном виде транспорта как маршрутных такси добавляют к этому списку логику «домашнего» мира.

В проблеме справедливости и использования общественного транспорта (и маршрутных такси, в частности) возможен не только «внешний аспект», относящийся к общим темам самого наличия разных видов транспорта в рамках городского общественного транспорта, его количественному соотношению с другими видами транспорта, качеству его функционирования и т.п. Не менее

важен «внутренний аспект», касающийся конфликтных ситуаций в рамках самой поездки и попыток построения систем аргументаций с использованием «дискурса справедливости» участниками конфликта.

Шестой параграф «*Современные проблемы справедливости в глобальном контексте*» касается мирового сообщества и его ключевых проблем на современном этапе.

В мегауровневом масштабе справедливость выступает в качестве нормативного принципа отношений в рамках глобального сообщества. Глобальные мегатренды и новый контекст существования для человечества как социокультурной системы формирует новые вызовы эпохи, связанные с проблемой справедливости.

Диссертант рассматривает справедливость в контексте биоэтической проблематики. Принимая во внимание существование нескольких значений биоэтики будет ошибкой свести принцип справедливости только к «доступной медицинской помощи», он включает в себя и более фундаментальные вопросы отношения к живой природе, человеческой жизни и человеческому здоровью. В своей узкой интерпретации принцип справедливости скорее может быть назван принципом «недискриминации в медицинском обслуживании». В широком смысле справедливость это принцип уважения к Жизни, бережного к ней отношения, принцип сохранения ее положительных свойств и качеств и борьба с тем, что этому противостоит – со смертью, болезнью и нездоровьем. Если в отношении «мировоззренческой» биоэтической справедливости серьезным дополнением может стать принятие во внимание политической ответственности за результат дискуссий в этой парадигме, то касательно «социальной» биоэтической справедливости важным дополнением могут стать идеи милосердия и социальной протекции.

Особую важность приобрели *вопросы мира и войны*. Попытки снять противоречия пацифизма и «политического реализма» предпринимаются в теориях справедливой войны, предлагающей своеобразный *via media*, путь «справедливого» насилия. В теории справедливой войны традиционно говорится о двух наборах критериев: *jus ad bellum* (критерии вступления в войну или способ

оправдания начала войны) и *jus in bello* (принципы ведения военных действий, например, отказ от применения определенных видов вооружения, регламентация отношения с военнопленными, гражданскими противной стороны и т. д.). В последнее время стал осознаваться приоритет третьего критерия – *jus post bellum*, касающегося проблемы конфигурации мирных отношений после окончания войны. Важно выявлять факторы, могущие привести к актуализации насилия. Дискурс справедливости является одним из основных дискурсов, позволяющих это сделать.

Далее рассматривается идея справедливости в контексте террористической деятельности, поскольку начиная с конца XX века терроризм сравнился по степени опасности с военной, экологической, демографической и другими глобальными проблемами современности. Диссертант выделяет три параметра, определяющие взаимосвязи между терроризмом и справедливостью: каузальный, аксиологический и телеологический, то есть идея справедливости рассматривается как причина, ценностное и целевое обоснование террористической деятельности. Каузальный параметр фиксирует несправедливость в качестве одной из причин терроризма. Терроризм в этом контексте можно определить как крайнюю форму социального протеста против несправедливости в обеспечении для той или иной группы людей конкретных национальных, политических, экономических и других прав. Второй базовый параметр, связывающий терроризм и справедливость, – аксиологический. Идея восстановления справедливости является основанием и оправданием терроризма и насилия с точки зрения его субъектов. Это насилие направлено не столько против частных лиц, сколько против общества и государства в целом, но при этом, как ни парадоксально, требующее от становящегося жертвой общества признания справедливости действий насильника, их «легитимизации» путем выполнения государственной властью требований террориста. Третий параметр связи справедливости и терроризма носит телеологический характер, поскольку в терроризме справедливость часто выступает в качестве цели, а террористические действия используются в качестве средства. Однако, терроризм обнаруживает неспособность предложить полноценного гуманистического обоснования своих средств, которые не только не

могут привести к восстановлению справедливости, но, скорее, порождают новые формы несправедливости.

В информационном пространстве проблема справедливости обуславливается появлением новых информационных технологий, включая сеть Интернет, а также новейший источник и метод обработки информации - Big Data («большие данные»). Среди основных факторов переосмысления справедливости в информационной области диссертантом выделяется проблема *приватности и публичности персональных данных*. В частности, приватность данных пользователей, частных лиц, которые зачастую не осведомлены о том, что некоторые стороны их жизни конвертированы в данные. Важной проблемой в этом контексте являются практики *слежения*, то есть систематическое, фокусированное внимание к личным подробностям для разных целей (например, управление). В последнее время, благодаря появлению «больших данных», слежение стало осуществляться в проактивной, превентивной форме, то есть не после, а до каких-либо правонарушений со стороны населения. Пока не выработано ясных норм, позволяющих защищать конфиденциальность данных. Существуют общественные движения за открытость данных. Развитие новых информационных технологий привело к новому виду несправедливости – цифровому или «дигитальному» неравенству. Равенство доступа является необходимым, но не достаточным условием, чтобы привести к цифровому равенству. Важны также наличие навыков и возможностей, социальные и культурные установки в отношении технологии, институциональная среда и социальные преобразования.

В целом, для современной культуры характерна плюралистическая идейная среда, в которой есть опасность использования дискурса об общечеловеческих ценностях (включая справедливость) с манипулятивными целями. Основным субъектом, носителем представлений о справедливости выступают группы, отдельные общества, культуры – надындивидуальные целостности, динамически развивающиеся системы, продуцирующие определенный тип сознания и ментальных структур. При этом можно зафиксировать явный дефицит в эффективном универсалистском этическом дискурсе глобального уровня. Групповая мораль, как правило укорененная в архаических институтах и

традициях, оказывается не в состоянии достичь справедливости на разных уровнях социокультурной действительности.

В **Заключении** подводятся итоги исследования, формулируются основные выводы, намечаются перспективы дальнейшей разработки темы.

СПИСОК РАБОТ, ОПУБЛИКОВАННЫХ ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ:

Публикации в изданиях, рекомендованных ВАК РФ:

1. Карчагин Е.В. Идея справедливости в философии Вл.С. Соловьева // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7. Философия. Социология и социальные технологии. 2009. № 2 (10). С.19-24. (0,5 печ. л.)
2. Карчагин Е.В. Историческая справедливость в контексте городского пространства // Социология города. 2010. № 3. С. 48-53. (0,4 печ.л.)
3. Дашкова С.В., Карчагин Е.В. Идея справедливости в терроризме // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 8. Ч. 1. С. 70-74. (0,5 печ.л.)
4. Карчагин Е.В., Сивков Д.Ю. Политика и справедливость в философии А. Бадью и Ж. Рансьера // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7. Философия. Социология и социальные технологии. 2014. № 2. С. 12-19. (0,5 печ.л.)
5. Назарова М.П., Карчагин Е.В. Архитектурное пространство и идея справедливости // Университетский научный журнал. 2014. № 7. С. 118-126 (0,5 печ.л.)
6. Назаров М.Н., Одинцов А.В., Карчагин Е.В. Социальный порядок, справедливость и коррупция в общественном мнении горожан // Социология города. 2014. № 3. С. 82-98 (1 печ.л.)
7. Карчагин Е.В. Универсальное в локальном: справедливость и городской общественный транспорт // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7. Философия. Социология и социальные технологии. 2014. № 4. С. 68-78. (1 печ.л.)

8. Галенко М.В., Дементьев С.М., Карчагин Е.В., Черникова Ю.А. Культура использования сети Интернет в студенческой среде // Социология города. 2015. № 1. С. 20-30. (0,5 печ.л.)

9. Карчагин Е.В. Справедливость как социокультурный феномен // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7. Философия. Социология и социальные технологии. 2015. № 4. С. 28-37. (0,9 печ. л.)

10. Карчагин Е.В. Принцип справедливости в биоэтике // Биоэтика. 2015. № 2 (16). С. 12-17. (0,5 печ.л.)

11. Карчагин Е.В., Одинцов А.В., Галенко М.В. Справедливость и коррупция: феномен коррупции в сфере высшего образования // Социология города. 2015. № 4. С. 83-94. (0,7 печ. л.)

12. Карчагин Е.В. Проблема справедливости в информационной области: этический аспект Big Data // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7. Философия. Социология и социальные технологии. 2016. № 1. С. 50-58. (0,5 печ. л.)

13. Карчагин Е.В. Справедливость в городе: контуры концепции городской справедливости // Социология города. 2016. № 1. С. 84-92. (0,5 печ. л.)

14. Карчагин Е.В. Тело как проблема справедливости. Рецензия на книгу Fabre С. (2006) Whose Body is it Anyway? Justice and the Integrity of the Person. Oxford University Press // Социология власти. 2016. № 1. С. 271-278. (0,4 печ. л.)

15. Карчагин Е.В., Гапоненко С.С. Политическая справедливость как аксиологический принцип политических идеологий // Среднерусский вестник общественных наук. 2016. № 2. С. 42-50 (0,5 печ. л.)

16. Карчагин Е.В. Об идее справедливости в русской культуре // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7. Философия. Социология и социальные технологии. 2016. № 2. С. 42-48 (0,5 печ. л.)

Монографии и главы в коллективных монографиях:

17. Карчагин Е.В. Справедливость: Понятие, ценность, норма: научная монография. Волгоград: Изд-во ВолГАСУ, 2013. 185 с. (11,1 печ.л.)

18. Карчагин Е.В. Ритмология справедливости // Ритмология культуры: очерки / под ред. Ю.Ю. Ветютнева, А.И. Макарова, Д.Р. Яворского. СПб.:

Алетейя, 2012. С. 250-264. (1 печ.л.)

Публикации в других научных изданиях:

19. Карчагин Е.В. Справедливость: концепт и концепции // Новая правовая мысль. 2009. № 1 (32). С. 2-6. (0,5 печ. л.)

20. Карчагин Е.В. О генезисе справедливости // Социально-экономические и технологические проблемы развития строительного комплекса региона. Наука. Практика. Образование. Материалы III Всероссийской научно-практической конференции, г. Волгоград – г. Михайловка, 22-23 октября 2009 года. Волгоград: ВолгГАСУ, 2009. с. 274-278. (0,4 печ.л.)

21. Карчагин Е.В. Справедливость как ценность глобального мира // Человек – объект и субъект глобальных процессов: Мат-лы междунар. науч. Конференции. Санкт-Петербург, 20-21 ноября 2009 г. / Под ред. И.Ф. Кефели; Балт. гос. техн. ун-т. СПб., 2010. С. 278-281. (0,3 печ.л.)

22. Карчагин Е.В. О справедливости глобального мира // Глобализация и проблемы мира: Российский проект. Мат-лы IV международной научной конференции, Санкт-Петербург, 19-20 ноября 2010 г. СПб, 2011. С. 79-81 (0,3 печ.л.)

23. Карчагин Е.В. Проблема онтологического статуса справедливости // Новая правовая мысль. 2011. № 3 (46). С. 2-5. (0,4 печ.л.)

24. Карчагин, Е.В. Топология мышления о справедливости // Материалы Научной сессии, г. Волгоград, 22-29 апреля 2011 г. Вып. 5. Философские, социальные и исторические науки [Текст] / ВолГУ ; редкол.: А.Э. Калинина (отв. ред.) [и др.]. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2011. С. 376-379. (0,3 печ.л.)

25. Карчагин Е.В. Беспалов А.Б. Проблема прав человека и справедливости в XXI веке // Научная перспектива. 2012. № 5. С. 35-38. (0,4 печ.л.)

26. Карчагин Е.В., Соловьев А.Л. Справедливость процесса принятия решения и справедливость принятого решения // Наука и образование: архитектура, градостроительство и строительство : материалы Международной конференции, посвященной 60-летию образования вуза, 18–19 сентября 2012 г., Волгоград : в 2-х ч. Ч. II. Волгоград : ВолгГАСУ, 2012. С. 312-314. (0,3 печ.л.)

27. Карчагин Е.В. Критерии справедливости // Наука и образование:

архитектура, градостроительство и строительство : материалы Международной конференции, посвященной 60-летию образования вуза, 18–19 сентября 2012 г., Волгоград : в 2-х ч. Ч. II. Волгоград : ВолгГАСУ, 2012. С. 315-317. (0,3 печ.л.)

28. Карчагин Е.В. Нормативные области справедливости // Приволжский научный вестник. 2013. № 6. С. 99-101. (0,3 печ.л.)

29. Карчагин Е.В. Парадигмы справедливости // Интеграция мировых научных процессов как основа общественного прогресса: сборник материалов Международных научно-практических конференции за июль 2013 года / Под общ. ред. С.В. Кузьмина. Казань, 2013. С. 34-37. (0,3 печ.л.)

30. Карчагин Е.В. Основные виды концепций справедливости // XXIX Международная научно-практическая конференция «Система ценностей современного общества». Новосибирск, 2013. С. 13-16. (0,3 печ.л.)

31. Карчагин Е.В. Нормы справедливости в области образования // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 6: Университетское образование. 2013. № 14. С. 127-131. (0,4 печ.л.)

32. Карчагин Е.В. Универсальное в локальном: принципы справедливости в социальных взаимодействиях в общественном транспорте // Публичные пространства и город в эпоху новых медиа: Тезисы Всероссийской научно-практической конференции «Вторые Нижневолжские чтения», 29-30 мая 2014 г. / Под ред. М.А. Анипкина. Волгоград: Волгоградское научное издательство, 2014. С. 23-24 (0,2 печ. л.)

33. Карчагин Е.В. Об идее справедливости в христианской культуре // Молодёжь в мире Православия. Тезисы и материалы научно-богословской молодёжной конференции / Под редакцией В.Г. Патрина, Н.Д. Барабанова, Е.Г. Ковалева. М.: Планета, 2014. С. 107-111. (0,4 печ.л.)

34. Карчагин Е.В. Справедливость как социокультурная универсалия // Философия. Толерантность. Глобализация. Восток и Запад – диалог мировоззрений: тезисы докладов VII Российского философского конгресса (г. Уфа, 6-10 октября 2015). В 3-х т. Т. II. Уфа: РИЦ БашГУ, 2015. С. 241. (0,1 печ.л.)

35. Карчагин Е.В. Справедливость в общественном транспорте (на примере маршрутных такси) // Человек в технической среде : сборник научных статей. –

Выпуск 2. / Мин-во обр. и науки РФ, Вологод. гос. ун-т ; под ред. доц. Н.А. Ястреб. Вологда : ВоГУ, 2015. С. 43-46. (0,3 печ.л.)

36. Карчагин Е.В. Идея справедливости в контексте теории языковых игр // VII международная конференция Теоретическая и прикладная этика: традиции и современность – 2015. Справедливость. Свобода. Ответственность. 29-31 октября 2015 г., Санкт-Петербург. СПб., 2015. С. 26-27. (0,2 печ.л.)

37. Карчагин Е.В. Эпистемология и эвристические возможности Big Data // Концепт. 2015. № 12 (декабрь). URL: <http://e-koncept.ru/2015/15437.htm> (0,5 печ.л.)

38. Карчагин Е.В., Одинцов А.В. Особенности восприятия справедливости и коррупции в постсоветском обществе // Материалы VI международной социологической Грушинской конференции «Жизнь исследования после исследования: как сделать результаты понятными и полезными», 16—17 марта 2016 г. / отв. ред. А. В. Кулешова. М. : АО «ВЦИОМ», 2016. С. 621-624. (0,3 печ. л.)